

Лоран Гунель

ФИЛОСОФ,
КОТОРОМУ
НЕ ХВАТАЛО
МУДРОСТИ

Лоран Гунель

Философ, которому не хватало мудрости

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6691371
Философ, которому не хватало мудрости: Эксмо;
ISBN 978-5-389-17291-3*

Аннотация

«Из сельвы Амазонки не возвращаются никогда». Это предостережение не смогло напугать преподавателя философии Нью-Йоркского университета – Сандро просто пропустил его мимо ушей. Он отправился в опасное путешествие без колебаний, не прислушиваясь ни к голосу разума, ни к советам друзей. Ведь где-то там, в густых джунглях Амазонки, прячется тайна, которая терзает Сандро долгие месяцы. Но хватит ли ему мудрости, чтобы заглянуть в бездну в поисках ответа и не сорваться в нее?

Содержание

1	5
2	11
3	16
4	39
5	46
6	51
7	57
8	69
9	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Лоран Гунель Философ, которому не хватало мудрости

Посвящается моей матери

*Жить каждый день так, как если бы он был
последним, никогда не суетиться, никогда не быть
равнодушным, никогда не принимать театральные
позы.*

Марк Аврелий

© Е. И. Кошелева, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

1

Дверь открылась, и в конце коридора появился слабый отблеск света. Сандро сдвинулся с места. Он долго размышлял, и все его мысли сводились к одному: попробовать вернуться к нормальной жизни, образумиться, подумать о будущем. И все же это было невозможно. Эмоции не подчинялись разуму. Чтобы перевернуть страницу, недостаточно пошевелить пальцами.

Он не знал, куда все это может завести, но он *должен* туда пойти. Он решился в тот вечер после того, как в помрачении ума, широко открыв окно гостиной в своей квартире на Манхэттене, в бешенстве побросал вниз половину своей библиотеки. Ему невыносимо было видеть, как они его презирают.

Он *должен* туда пойти. Разумеется, это чистое безумие. У него не было никакого плана, он не знал, как за это взяться, и не исключено, что его там ждет гибель. Но так жить больше невозможно. Иначе он окажется в психлечебнице или морге. А может быть, его ждет и то и другое.

Кабинет президента Нью-Йоркского университета был третьим справа. Его помощница сидела в предбаннике, служившем ей кабинетом. Молодая женщина встала, робко улыбнувшись, тихонько постучала в дверь начальника, вошла и прошептала несколько слов. Затем впустила Сандро и

бесшумно закрыла за ним дверь.

– У меня мало времени, – сказал президент, улыбаясь посетителю, – но все же присядь на минуту, пожалуйста. Я тут закончу печатать кое-что и буду готов тебя выслушать.

Просторная комната была залита светом. Тяжелая металлическая мебель, казалось, утопала в бежевом ковре. Шкафы и столы стояли, словно танки, застрявшие в зыбучих песках.

Сандро продолжал стоять с серьезным лицом.

– Мне нужен отпуск за свой счет на полгода, – сказал он.

Пальцы президента застыли над клавиатурой. Улыбка сошла с лица. Он помолчал немного, потом откинулся на спинку кресла и вздохнул:

– По какой причине?

– По личным обстоятельствам.

Президент отвел взгляд. Сандро увидел на его столе отвлеченную серебряную рамочку, обрамляющую фотографию его начальника с супругой; они светились улыбками. Он почувствовал, как внутри поднимается боль, и сделал усилие, пытаясь ее сдержать, – неподходящий момент, чтобы сдаваться.

– Сандро, я знаю, что тебя постигло... тяжелое испытание. Я знаю, как это было трудно для тебя, и...

– Избавь меня от твоего сочувствия, пожалуйста. Просто скажи, что согласен.

– Сандро, я всегда был рядом с тобой, чтобы поддержать

тебя, и поверь...

– Так да или нет?

Начальник медленно обвел взглядом комнату.

– Я закрыл глаза на твои постоянные отлучки в последние месяцы... Я помог тебе в тот раз, когда ты опоздал на устный экзамен в июне и пришлось все программировать заново... Я выручил тебя, когда ты слишком импульсивно и совершенно не по делу отреагировал на безобидное замечание одного из коллег... Я прикрыл тебя, когда ты разрыдался в аудитории, где было триста студентов...

– Полгода за свой счет, и все.

Долгий вздох.

– Сандро, то, что случилось с тобой, действительно ужасно. Это нормально – пережить период... глубокого горя, траура, но в какой-то момент надо взять себя в руки...

– Да, конечно...

– Чтобы вновь начать жить, ты должен перестать оглядываться на прошлое. Только глядя в будущее, ты сможешь вновь стать счастливым.

– Я уже не знаю, что может сделать меня счастливым. Но я могу написать энциклопедию несчастий.

– Ты не вырвешься оттуда, если будешь день за днем пережевывать прошлое... Тем, кто тебя не знает, может показаться, что ты наслаждаешься своими страданиями.

– Они действительно меня не знают.

– Я не знаю, я... Выберись из своей скорлупы, встречайся

с людьми, действуй, строй планы...

– Вот как раз у меня и есть план, мне нужно полгода.

Задумавшись, президент осмотрелся вокруг себя, явно недовольный.

– Я здесь не один. Есть административный совет, перед которым я должен отчитываться...

Сандро продолжал молчать с безучастным видом.

Начальник долго всматривался в лицо Сандро, потом вдруг принял озабоченный вид:

– Не говори мне, что ты хочешь пойти... туда...

Сандро ничего не ответил.

– Ты безумец, ты совершенно сошел с ума.

– Нужно, это единственный выход.

– Встряхнись же наконец, черт тебя побери! Я не знаю, ну почитай Платона, Сенеку, Ханну Арендт... Я не собираюсь перечислять всех философов, которых ты знаешь лучше меня, но перечитай...

– Оставь меня с этим в покое!

– Но что тебе даст поездка туда? Очень опасно вновь пережить все это, это...

– Моя душа не успокоится, пока я не сделаю то, что должен.

– Ты добьешься только одного – тебя постигнет та же участь, что и твою жену!

Слова таяли в воздухе, усугубляя тягостную атмосферу. Сандро смотрел на него в упор, глаза его увлажнились. Обес-

покоенный начальник сквозь зубы пробормотал бессвязные извинения.

– Дай мне отпуск, и ты никогда больше не услышишь ни слова об этом деле.

Президент глубоко вздохнул и надолго замолчал. Молодой преподаватель задержал дыхание.

– Я не могу, Сандро. Не могу. Извини.

Сандро понял, что ничего не выйдет, он не получит того, что ему так необходимо. Ему противостояла стена эгоизма, люди, неспособные понять глубину терзавшего его несчастья. Оно отпускало его лишь на миг, чтобы схватить еще сильнее, словно жестокая кошка, играющая с добычей. Эти люди умели лишь произносить слащавые, никчемные слова.

– И все-таки я уеду.

– Не делай этого! Ты знаешь, что это означает: слишком много преподавателей безнадежно ждут, когда освободится должность...

– Выходит, кому-то из них повезет, – сказал Сандро, направляясь к двери.

– Ты сумасшедший.

– Ты уже это говорил.

– Ты не знаешь, что ожидает тебя там.

– Зато знаю, что испытываю здесь.

– Сандро, открой глаза! Ты не выдержишь там и получаса, тебе знакомы лишь коридоры библиотек и аудитории с кондиционированным воздухом...

– Путешествия развивают молодежь, – ответил Сандро, открывая дверь.

– Если ты доверяешь поговоркам, то вдумайся в эту. Бразильцы говорят...

Сандро остановился, не оборачиваясь. Президент сделал паузу, словно хотел задержать его подольше. Потом произнес, чеканя каждое слово:

– «Из сельвы Амазонки никогда не возвращаются».

В лесу было тихо. Духи молчали, прислушиваясь к последним вздохам старого шамана. Свет начал тускнеть в этом храме растительного царства. Совсем высоко, в вершинах уходящих в бесконечность деревьев, листва была реже и пропускала слабое свечение, оно лилось сверху, пытаясь проложить себе путь сквозь царство теней.

Элианта стояла на коленях рядом с учителем. Тот лежал на ковре из лишайников и мха, мягкого, как кожа младенца, положив руку на ее ладонь. Она смотрела на него, более, чем когда-либо, восхищаясь старым человеком, который спокойно готовился к последнему путешествию.

Элианта вдохнула влажный воздух, наполненный дивными запахами леса и тишиной, соответствующей моменту. Она не грустила: смерть – всего лишь переход, она это знала. Она научилась принимать сердцем все, что ей давало небо: и радости, и горести. Ей так хотелось остаться около старого мудреца подольше, чтобы узнать что-нибудь еще из его бесценного учения.

Свет вокруг нее становился все более и более тусклым и слабым.

Она еще не была готова последовать за учителем и спрашивала себя, почему духи отнимают его у нее... Что бы это значило?

Элианта обвела взглядом дремлющие растения.

Все началось в детстве. Маленькой она видела вещие сны, и в деревне обратили на нее внимание. Ее стали выделять среди других детей. Это было одновременно и приятно, и обременительно. Когда она стала подростком, шаман предложил ей сопровождать его в поисках видений. Когда она прошла через сложный ритуал с песнопениями и танцами с удивительными ритмическими движениями, сознание покинуло ее, и дух пустился в свободное странствие по глубинам души, туда, где тела уже нет, где преодолеваешь самого себя, чтобы выйти в другое измерение – измерение высшего порядка, где время не властно, а потому становится бесконечным... Она видела себя летающей среди растений, и каждое рождало собственную мелодичную музыку. Так растения общались с ней. Она задавала им вопросы и, разумеется, получала ответы, что ее не удивляло. Пробудившись, она растолковала свое видение как знак: она станет шаманом.

Старый мудрец сам решил посвятить ее, успокоенный тем, что наконец есть преемник, который продолжит его дело, когда придет срок. Элианта чувствовала прилив вдохновения, уверенная, что нашла свой путь. Она была счастлива, думая о том, что принесет пользу, помогая установить гармонию в своей общине. Гармония... Это ключ, считал учитель. Сохранять гармонию, устанавливая ее, когда это необходимо.

Шепот старика прервал ее мысли:

– Запомни, не стоит гордиться своей способностью исцелять, иначе зло, от которого ты избавила страдающего, останется в тебе.

Элианта кивнула, чтобы успокоить учителя. Но ее тревожило совсем другое. Чтобы гордиться такими делами, нужно еще уметь их совершать. Она еще не до конца прошла инициацию... Способна ли она довести до совершенства столь сложное искусство? Шаман не только целитель, он еще должен уметь решать разные проблемы, время от времени возникающие в общине: недостаток дичи, конфликты... Можно, конечно, продолжать учиться на практике, но как не уронить себя в глазах других, если чувствуешь себя неуверенно? Чего стоит шаман, судят по результатам, а не по званию. Кроме того, это не клан определил ее предназначение. Она сама почувствовала свое призвание, пришла к нему благодаря собственной интуиции...

– Помнишь ли ты о своей клятве: никогда не говорить плохо о людях, не критиковать их, не разносить недобрые слова?

Элианта кивнула.

В голове у нее вертелся один и тот же вопрос: что хотели сказать духи, лишая ее учителя? Это испытание, чтобы проверить ее волю, способность выстоять и учиться самой? Или, наоборот, это знак, что ей следует остановиться, что эта миссия предначертана не ей? А вдруг она ошиблась? А вдруг то, что она приняла за посвящение, было лишь ее собствен-

ным желанием?.. Она готова принять любую судьбу, но все же какая она?

Вдалеке послышался треск, сопровождаемый шуршанием листьев и обезьяньими криками. Это на дереве обломилась ветка.

Старый мудрец напряженно смотрел на Элианту глазами, полными сострадания и доброжелательности. Она поняла, что он догадался о ее сомнениях. Почему она сомневается в себе, если сам учитель ей доверяет? Он-то не может ошибаться...

Она расслабилась, глубоко вздохнула и улыбнулась ему. Время запечатлело доброту старого человека на его лице: чудесные морщинки раскрывали красоту его души. Глаза горели ярким светом бесконечной любви, на которую способны те, кто уже не ведает страха.

Не произнеся ни слова, она выразила взглядом глубокую благодарность за все, что он ей дал. Затем начала молиться, держа его за руку, всей душой она была с ним.

Сумерки накрыли землю своими таинственными полутенями, и полились первые струйки спасительной прохлады. Лианы, висящие на огромных деревьях, казались теперь большими растительными органами трубами. Растения продолжали испускать свои чарующие ароматы. Глаза старика оживились, в них появилось смешливое выражение, а на губах заиграла улыбка.

Пролетел сокол, шурша крыльями, покружился несколько

мгновений над ними, а потом взлетел выше леса и растаял в небе.

– Мерзость какая!

Роберто Кракюс хлопнул по левому запястью, но слишком поздно. Кожа на толстой руке уже вздулась, поднимая, точно на пьедестале, огромного раздавленного комара.

Сандро забился на корму, отвел взгляд и стал смотреть на мутные коричневые воды реки. После четырехчасового плавания шум маленького мотора не громче газонокосилки казался оглушительным. Солнце палило нещадно. Лишь постоянное дуновение ветерка в лицо помогало Сандро немного забыть о невыносимой жаре.

Пятеро мужчин сидели в двух лодках. Кракюс был в одной лодке с Сандро, поскольку тот являлся его клиентом. Один из помощников, Альфонсо, стоял у руля, непрерывно жуя листья коки. Двое других следовали за ними во второй лодке, нагруженной канистрами с горючим, веревками, бутылками с водой и мешками с провизией, помещенными во влагонепроницаемые контейнеры. Имелся целый мешок медикаментов, в основном антибиотики, напоминавшие об опасностях джунглей. В начале путешествия грубоватые манеры этих типов в спецоблачении внушили Сандро некое чувство защищенности от враждебной среды. Но теперь они начали его раздражать.

Марко, рулевой второй пироги, маленький, загорелый, с

улыбкой победителя на губах, прибавил скорость, обогнав их по левому борту. Не желая быть вторым, Альфонсо запустил мотор на полную мощь; тот взревел. Это было еще более невыносимо.

– Валяйте, – сказал Кракюс, – сжигайте топливо, а обратно придется возвращаться на веслах против течения!

Остальные продолжали ухмыляться.

– Годи посчитал, что топлива достаточно, – сказал Альфонсо.

Так называемый Годи был самым странным из всех четверых. Кракюс гордо представил его, наделив титулом доктора, что заставило двух других прыснуть от смеха. Годи был совершенно лысый тип в квадратных бифокальных очках, обрамлявших расплывчатый взгляд. Казалось, что он вас не видит, складывалось впечатление, что он все время старается держаться в стороне. Да, его тело вместе с другими участвовало в путешествии, но мыслями он был где-то далеко. Время от времени какие-то слова, бессвязные обрывки фраз, отражающие работу мысли, прорывались на высоких нотах, как будто его мозг освобождался от каких-то лишних фрагментов размышлений.

– Его что, так и зовут – Годи? – робко поинтересовался Сандро.

Начальник экспедиции усмехнулся:

– Так и зовут, потому что он принимает себя за Бога.

Пироги шли на хорошей скорости, иногда их тормозили

плывущие стволы мертвых деревьев, которые приходилось огибать. Осторожные кайманы при приближении лодок ныряли в мутные воды реки.

– Перерыв на завтрак! – крикнул Кракюс, явно пытаясь продемонстрировать, что он здесь главный.

Рев моторов превратился в краткие всхлипы, когда рулевые стали маневрировать, подгоняя пироги вплотную к берегу, поросшему буйной растительностью. Движение воздуха исчезло, и влажная и удушливая жара навалилась на Сандро. Мгновенно появился рой moskitov, словно им назначили свидание. Сандро поднял воротник куртки. Поутру он почти искупался в лосьоне, отпугивающем насекомых. И только после этого натянул тщательно проверенную длинную одежду, чтобы максимально обезопасить тело от агрессоров. Каждый сантиметр незащищенной кожи оказывался во власти насекомых, пауков и прочих паразитов.

Кракюс отвинтил крышку одного из контейнеров и раздал сэндвичи. Марко, стоявший на корме, расстегнул ширинку и начал мочиться, целясь в голову каймана, спящего неглубоко под водой. Альфонсо загоготал. В мгновение ока животное с невероятной энергией и скоростью наполовину взметнулось из воды. Его пасть щелкнула прямо у самого члена бразильца, который едва успел отпрянуть, свалившись в пирогу, сильно ее качнув. Остальные разразились хохотом. Сандро смотрел в другую сторону, без аппетита жуя сэндвич, который был хуже тех, что продают на 13-й авеню.

13-я авеню... Нью-Йорк... Каким же далеким теперь казался ему этот город...

– А-а-а-а-а...

Сандро обернулся.

– А-а-а-а-апчхи!!!

Альфонсо вытерся рукавом, довольный тем, что его было слышно на несколько сот метров в округе.

– Насморк в тропиках! – сказал Марко. – Это уж чересчур!

– Ты можешь что-нибудь с ним сделать? – крикнул Кракюс Годи, который остался во второй лодке один.

Доктор некоторое время оставался невозмутимым, потом ответил монотонным голосом, даже не поднимая глаз:

– Леченый насморк длится неделю, а нелеченый – семь дней.

Сандро снял шляпу, вытер пот со лба, затем обмахнул лицо. Ему казалось, что страдает он один... Другие спокойно обменивались шутками, такими же тяжеловесными, как атмосфера вокруг. Только не сдаваться. Думать о чем-то другом. Но как ничего не чувствовать?

Перед ним на берегу сновала маленькая черная обезьяна, явно заинтригованная необычными визитерами.

– Все нормально? – спросил Кракюс.

Сандро заставил себя одобрительно кивнуть, не отрывая глаз от обезьянки.

– Вы точно загипнотизированы, – добавил другой.

Сандро почувствовал, как в нем поднимается шквал эмоций. *Вы точно загипнотизированы.*

Это были первые слова той, которая собиралась стать его женой... Париж, три года назад... Музей Родена... Утром после открытия в галереях никого... Особняк... Светлые галереи, белый свет, льющийся сквозь высокие окна с переплетами в виде маленьких квадратиков... Никого... Только Роден – Роден и его скульптуры... Эти белые ню – повсюду. Тела из мрамора, тела женщин, тела, обвивающие друг друга. Плечи более совершенные, чем творения природы, выразительные руки, волнующие груди, слегка напряженные мускулы в белом камне... Складки кожи потрясающе живые... Красота, неслыханно, божественно. Шедевры повсюду, во всех залах. Неисчерпаемый талант, все выставлено на показ... И там, за колонной... Какое волнение... Сдержанное дыхание... Абсолютная красота... Эта скульптура там, как раз там, впереди... Это тело женщины, непристойное и таинственное, реалистичное и возвышенное... Прозрачная белизна, божественно открытые бедра, такие гладкие, такие нежные...

– Вы точно загипнотизированы.

Женский голос, который вот-вот рассмеется.

Сандро повернул голову и увидел молодую женщину во плоти, живую и одетую. Она смотрела ему в глаза. В них он увидел душу прекраснее, чем самое обворожительное плечо, чем самые тонкие руки, чем самые нежные бедра...

– Приближаться нельзя, иначе она на вас напишет, – важно сказал Кракюс. – Это квата, обезьяна-паук. Ну, в общем, может, перейдем на «ты»?

Сандро не ответил. Он закрыл глаза и вернулся в свой внутренний мир, нежный и тонкий, где чувства выражались звуками арфы или цветными мазками на холсте. Погрузился в свое чудесное прошлое, которое никогда уже не вернется, и тихо соскользнул в меланхолию.

– Пора в путь! – неожиданно заорал Кракюс, ни к кому не обращаясь.

Пирогі сильно качало, когда мужчины укладывали рюкзаки и рассаживались по местам. Сандро выбросил свой сэндвич за борт. Через три секунды в мутном водовороте откуда-то появились рыбы и набросились на него. Их толстые губы шумно всасывали воздух, воду и хлеб. В несколько секунд все исчезло. Грязная вода успокоилась, только несколько бороздок кругами удалялись по реке.

Моторы взревели, и лодки вновь пустились в путь. Ветерок опять стал слегка овеивать лицо, и Сандро глубоко вдохнул.

Вечером они пристали к берегу, привязав обе пироги рядом.

Сошли на землю, не удаляясь от лодок даже на несколько метров, и то только после того, как Марко тщательно осмотрел окрестности. Пожевали что-то на борту, а потом, когда вместе с ночью спустилась удивительная прохлада, залезли

в спальные мешки.

Наконец все успокоилось, стало тихо, умиротворенно. Сандро глубоко задышал и расслабился. Воздух был полон запахов леса, расположенного неподалеку.

Он долго не мог заснуть, лежа на спине на дне пироги, слегка убаюкиваемый бортовой качкой, глядя на мириады звезд, испещряющих небо Амазонии.

С того момента, как они отплыли на рассвете, им не встретилось ни одной лодки.

С тех пор ничего. За целый день плавания ни одной живой души. По мере продвижения река увлекала Сандро все глубже и глубже в самую чашу леса. Все дальше от его страны, от города, все дальше от цивилизации... Казалось, он заблудился в каком-то дальнем закоулке планеты, не нанесенном на карты, в черной дыре леса, который проглатывал безумцев, осмелившихся оскорбить его своим вторжением.

Он подумал о Тиффани. Как она не побоялась проникнуть в такое место? Как журнал, в котором она работала, мог отправить сюда одну из своих журналисток и оставить ее здесь, подвергнув такому риску?

Путешествие продолжалось три дня. Три долгих дня, и каждый час, каждая минута придавали Сандро ощущение все более глубокого погружения в джунгли, которые каза-

лись куда больше, чем океан.

На четвертый день утром Кракюс сообщил своему клиенту, что вскоре они оставят пироги и двинутся дальше по лесу пешком. Сандро постарался подавить в себе чувство легкого страха, возникшего при этих словах.

В поисках идеального места они четверть часа на малом ходу внимательно изучали берег, затем пришвартовались на песчаной отмели, окруженной зарослями бамбука. Путешественники сошли на землю, вынули поклажу из лодок, а затем втащили их на песок. Пироги спрятали в зарослях и крепко привязали к толстому корню. Альфонсо раздал каждому по канистре.

– Лодки здесь вряд ли стащат, – объяснил Кракюс, – а вот горячее – редкость в здешних местах.

Марко, размахивая длинным тесаком со сверкающим лезвием, врубался в заросли, прокладывая дорогу. Кракюс что-то черкнул на своей карте.

Тяжело нагруженные путники следовали за Марко, медленно продвигаясь вперед. В горячем и влажном воздухе витали запахи срезанной зелени.

Сандро преследовала навязчивая мысль, что он обязательно угодит головой в паутину. Он читал, что в природе существуют гиганты, расставляющие свои сети наверху среди растительности. Он постарался пристроиться за Кракюсом, который был повыше.

– Не советую вам идти так.

– Почему?

– Среди тех, кто идет вереницей, каждого третьего кусает змея...

Сандро не нашелся что ответить. Он пропустил Альфонсо с ружьем на плече и встал четвертым. Процессию завершал Годи.

Они двигались медленно, очень медленно сквозь бамбук – настоящий тюремный коридор с зелеными решетками. Сандро впивался взглядом в землю, опасаясь змей. Это было правильное решение – купить грубые ботинки из толстой кожи. Наиболее подходящая модель. Правда, при такой жаре он предпочел бы идти босым, в набедренной повязке.

Шедший перед ним Альфонсо постоянно совал руку в рюкзак, доставая листья коки, которые неустанно жевал почти весь день.

И вот появились деревья, огромные неподвижные степенные стражи. Их плотная листва закрывала небо, нагоняя сумрак. Бамбук уступил место буйной, чрезмерно обильной растительности. Нагромождение растений всех видов: какие-то неизвестные с листьями шире, чем у банана, другие тонкие и длинные, как гигантские ирисы. Растения ползущие и растения ниспадающие. Растения, которые протискивались и изгибались, лишь бы вклиниться в малейший свободный промежуток.

У Сандро появилось ощущение, что он угодил в ловушку в царстве сумасшедших растений, где преобладают все от-

тенки зеленого: от бледного и прозрачного до темного, цвета смерти, пройдя через буйство всех разновидностей зелени, которое может родить земля, вплоть до самых странных.

Теперь, заблокированный со всех сторон растениями, которые, казалось, обхватывали его, словно гигантский осьминог с тысячью щупалец, он мог видеть только метров на десять вперед.

Он вытер мокрый лоб обратной стороной рукава и постарался дышать глубже. Не поддаваться клаустрофобии. Остаться спокойным.

Их окружала удивительно вязкая тишина. Тишина, то и дело нарушавшаяся неумолимым свистящим скрежетом тесака. Масса растений затаила дыхание, а гильотина продолжала рубить обреченных.

– Поднимите воротник и закройте голову, – сказал Кракюс.

– Зачем? – спросил Сандро.

– Вы же не хотите, чтобы колония термитов соскользнула вам на шею, когда вы проходите под ветками?

Сандро вздрогнул. И повиновался.

Вокруг него, незримые, таились существа, населявшие лесное царство. Даже внимательно всматриваясь в листья, ветки, лианы и травы, невозможно было заметить ни одного из миллиардов существ, живущих в полумраке. И все же они были здесь. Невидимые, но были. Сандро ощущал их присутствие.

Проход через джунгли оказался изнуряющим. При удушяющей жаре нельзя было слишком замедлять шаг, так как сразу ощущалась тяжесть рюкзака, что создавало впечатление погружения, а не продвижения вперед. Невидимая угроза рождала постоянное напряжение, тревожила сознание.

Привал вышел коротким. Они быстро перекусили, потом вновь тронулись в путь, и рюкзаки стали еще тяжелее, чем раньше.

Сандро казалось, что он вторгается в пространство, которое борется за то, чтобы остаться нетронутым, которое смыкается за их спинами, чтобы поймать тех, кто нарушил его границы. Время от времени на ум ему приходила бразильская поговорка, которую процитировал президент, она неотвязно вертелась в голове и внушала тревогу: «Из бразильской сельвы никогда не возвращаются...»

Наконец Кракюс объявил, что пора остановиться и разбить лагерь. Сандро почувствовал облегчение и удивление одновременно. Солнце было еще высоко в небе. Три часа, не больше. Кракюс преследовал свои интересы, ему платили за каждый день. При таком ритме у него на месяцы хватит работы...

Глава экспедиции выбрал для остановки плоский утес под большими деревьями. Подходящее место для лагеря. Сняли рюкзаки, Сандро остался на месте с Годи, а остальные разошлись в разные стороны.

Сандро собрался было распаковать свой груз, но Годи же-

стом остановил его. Они прождали долго, так и не сказав друг другу ни слова.

Под деревьями полутени контрастировали с раскаленным солнцем, которое обжигало их, пока они плыли по реке. Но жара не спала. Время от времени до них доносился треск веток. С тех пор как путники разбрелись в разные стороны, прошло целых пятнадцать минут.

– Муравейник! – Из чащи внезапно донесся приглушенный растительностью голос Марко.

Подождали, пока соберутся все, потом вновь водрузили рюкзаки на болевшие плечи, и группа продолжила медленное продвижение в поисках подходящего места для ночлега. Сандро старательно поднял воротник. С компасом в руке Кракюс давал советы.

Через полчаса он указал подходящее место, руководствуясь критериями, известными только ему. Опустив поклажу на землю, те же трое разошлись в разные стороны. Нужно было ждать и ждать...

– Мертвое дерево! – заорал Альфонсо.

Сандро вздрогнул, подумав, что оно могло бы рухнуть на них во время сна.

Кучка людей сгруппировалась и вновь отправилась в путь.

Молодой преподаватель представлял себе лес совсем по-другому. В его грезах деревья были, конечно, огромными, но ему казалось, что внизу должно быть более свободное пространство. Он думал, что пройти в здешних местах будет лег-

ко, как в лесах Запада, забыв о том, что там за ними ухаживали, освобождая от подлеска и бурелома, мешающих проходу. Он никак не мог вообразить, что на каждом шагу им придется бороться с буйной растительностью. Он думал найти чарующий свет, а здесь царил полумрак, как в тюремной камере, усиливая ощущение заточения.

Кракюс вновь нашел место для стоянки. Мужчины опять принялись осматривать окрестности. Опять ожидание. Сидя на своей поклаже, поглощенный изучением растительности, Сандро испытывал странное чувство, что за ним наблюдает невидимый враг. Изобилие листвы было ширмой, скрывающей другую реальность, и она не была такой спокойной, как эта, видимая. Он закрыл глаза, стараясь расслабиться. Будь бесстрастным. Прекрати фантазировать.

– Осиное гнездо!

И вновь они собрались, чтобы продолжить путь. Сандро с усилием поднял ненавистный рюкзак и пошел, словно каторжник, несущий камни.

Четвертая попытка оказалась удачной, и мужчины принялись расчищать подлесок по периметру лагеря.

– Во избежание нападения животных или змей, – объяснил Кракюс.

Затем они растянули гамаки между деревьями и на высоте метра над каждым горизонтально натянули веревку, покрыв ее чехлом, края которого спустили вниз по сторонам ложа. Обтянули его по четырем углам длинными веревками и за-

крепили на земле металлическими колышками.

– Так мы ограничим количество тварей, которые упадут на нас сверху. И, кроме того, защитим себя от дождя.

Годи обошел их сооружения, держа в руке баллон с пеной для бритья. Обработал каждую веревку, прикрепляющую гамак к деревьям, заливая узлы белым кремом.

– Это Годи придумал, – с гордостью сказал Кракюс Сандро, – чтобы на нас не напали муравьи во время сна. Эти гады могут сожрать вас до того, как вы успеете встать на землю.

Марко и Альфонсо приволокли пару сухих деревьев и накололи дров.

Через несколько минут внезапно наступила ночь, похолодало. Сумерки сменились глубокой и холодной темнотой. Сильно ощущалась близость гигантских растений, они были слишком живые, хотя и стали невидимыми. Сандро казалось, что он чувствует, как они растут, продолжая в темноте завоевывать все новые территории. Теперь лес уже не беспокоил, а тревожил.

Зажгли костер. В ночи запахло влажным деревом. Дым и потрескивание. На Сандро навалилась усталость. Он заставил себя съесть военный паек, какая-то выпечка с неопределенным вкусом. Однако еда была сытной и такой плотной, что куски застревали в горле. Пришлось пить воду большими глотками, чтобы прочистить гортань и не задохнуться.

– Завтра постараемся приготовить настоящую еду. Сегодня слишком поздно, – сказал Кракюс в качестве извинения.

Марко и Альфонсо начали отпускать сальные шутки, быстро подхваченные их шефом. Годи сидел поодаль в нескольких шагах. Сандро вновь укрылся в своем внутреннем мире. Он думал о Нью-Йорке. О возвращении на Манхэттен однажды ночью на пароме со Стейтен-Айленда после дня, проведенного на пляже.

Огни сверкающие и успокаивающие. Улицы и проспекты, разбитые на квадраты. Ужины у Валсе, где штрудель с лососем был лучшим во всей Австрии, бокал вина в Норт-Форке, водка «Блэк Форти», которую пьешь стоя, облокотившись о барную стойку из старого дерева... По утрам в воскресенье завтраки у Муди со свежавыжатым апельсиновым соком, запах сдобных булочек только что из печи, блинчики с кленовым сиропом и дымящаяся чашка чая «Дарджилинг», и пианист, машинально перебирающий клавиши, думающий о чем-то своем, и льется мелодия Эррола Гарнера. Как же далек казался ему теперь Нью-Йорк... И философские рассуждения, которыми он обменивался с коллегами, прекрасный стимул для интеллекта...

Неизбежно его мысли возвращались к Тиффани. Полные страсти беседы с ней, моменты расставания, любви, нежности. Тиффани...

Меланхолию сменила грусть, и Сандро почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Он попытался сдержать их, но другое чувство поднималось в нем, более сильное, более захватывающее. Чувство отныне знакомое, которое неотвяз-

но преследовало его уже целый год и определяло его жизнь: гнев, ненависть, жажда мщения. Властное, требовательное, которое охватывало все его нутро и приказывало действовать, наполняя его энергией.

Это путешествие – мучение, сказал он себе, но он пойдет до конца, даже если придется сдохнуть с открытым ртом в грязной луже с копошащимися там змеями. Он не отступит. Никогда.

– Табаско? – предложил Кракюс. – Сандро? Сандро? Сандро помотал головой.

Кракюс поднялся и уселся напротив. Нет, не сейчас. Жалость. Никаких забавных историй, никаких пьяных дискуссий. Только не это. Оставьте меня в покое.

– Ну расскажите мне всё, – произнес Кракюс с широкой улыбкой. – Почему вы хотите добраться до этого племени? Я пока ничего не знаю о ваших планах.

Сандро не ответил, продолжая пережевывать что-то мерзкое.

Марко и Альфонсо зубоскалили в своем углу.

Кракюс решил опередить его:

– Дайте-ка догадаюсь... Вы журналист и хотите сделать репортаж о самом счастливом народе, который живет на земле...

Сандро продолжал молчать.

– Вы ученый и хотите выяснить, почему эти люди никогда не болеют раком?

Сандро не отвечал. Черт побери, ну и тупой же этот тип...

– Или почему они не болеют малярией, хотя в лесу всюду зараза?

– Нет.

– Вы вкалываете на одну фармацевтическую фирму и вам нужны образцы растений?

– Нет.

– Яды?

Сандро вздохнул. Уголек взорвался в костре, и дождь искр разлетелся в разные стороны.

– Нет.

– Но тогда зачем же? Зачем вам к ним?

Совершенно неожиданно – возможно, по причине раздражения, а может быть, бессознательно желая провокации, – Сандро произнес ледяным голосом:

– Чтобы их всех уничтожить.

Кракюс окаменел и бросил расспросы.

Марко тоже замолчал, а Альфонсо приоткрыл рот, откуда вывалились листья коки. Все обернулись на него. Годи взглянул в его сторону и нахмурил брови. Свет пламени костра деформировал их лица. Повисло неловкое молчание. Скорее тяжелое. Кракюс обменялся взглядами со своими друзьями. У него был взволнованный вид.

Сандро вдруг осознал чудовищность того, в чем только что признался. Чудовищность для них... Зачем было говорить это сейчас? Он полный идиот, сейчас было бы лучше

промолчать. Но слова вылетели сами собой, он был раздражен.

Ему внезапно стало очень стыдно – стыдно за эти слова, стыдно за самого себя. Конечно, эти люди неотесанны, грубы, вульгарны, но они все же были помощниками. Такие вещи не говорят тем, кто оказывает помощь, – это работа... Теперь они откажутся и уйдут. Понадобилось всего несколько слов, чтобы все испортить...

Кракюс озабоченно взглянул на него. И медленно заговорил, тщательно подбирая слова:

– Вы... ну... из семьи... той молодой женщины... погибшей в прошлом году в джунглях?

Сандро молча кивнул. Все пристально смотрели на него.

Он чувствовал, как растет напряжение в атмосфере, такой безоблачной всего несколько минут назад. Вдали в темной ночи послышался треск.

– Нужно, чтобы вы знали... – вновь заговорил Кракюс, которому было явно не по себе. – Это мы пошли... за... ее телом...

Мужчины, не отрывая глаз, следили за его реакцией.

– Знаю, – сказал Сандро. – Поэтому я вас и выбрал.

Опять повисла тишина. Напряженная. Кракюс как-то странно на него смотрел, его черты выражали смесь непонимания и изумления. Некоторое время он сидел без движения, потом вновь поискал глазами товарищей, словно пытаясь прочесть их мысли. Потом встал и сделал вид, будто

занимается костром. Он и в самом деле помешал угли и горящие поленья без видимой надобности, – по-видимому, на него нахлынули какие-то тяжелые мысли.

Сандро сидел, точно подозреваемый, который ждет оглашения приговора, известного заранее, – ему объявят об окончании экспедиции. Кракюс тянул время, вороша горящие поленья.

– Итак, вы хотите отомстить, – сказал он, продолжая смотреть в огонь. – Я понимаю. Очень хорошо понимаю...

У Сандро перехватило дыхание.

– Видите ли, – вновь начал Кракюс, – мы не всегда занимались сопровождением или поисками людей в джунглях. Для нас это вроде преждевременной отставки.

Марко и Альфонсо внимательно слушали своего шефа.

– В прошлом мы все были военными... военными, но не солдатами регулярной армии, нет. Для этого мы слишком независимы, – сказал он с натянутой улыбкой. – Нет, мы скорее были наемниками...

После каждой незаконченной фразы Кракюс смотрел на Сандро, словно хотел увидеть его реакцию.

– Когда мы были молоды. Мы сражались в рядах армии Никарагуа, Сальвадора... Участвовали в конфликтах Латинской Америки. Воевать – это наша работа... Крови мы не боимся. Сейчас мы оставили это, но страница еще до конца не перевернута...

Он замолчал на некоторое время, наблюдая за своим со-

беседником. Сандро ждал.

— Если мои друзья согласны, — заговорил Кракюс неуверенно, косо поглядывая на них, — мы могли бы взяться за это дело... помочь вам... а не только сопровождать вас до места. Ну... если у вас есть... чем... вознаградить нас за это, тогда, конечно.

Сандро не отвечал. Он обвел изумленным взглядом маленькую группу, которая напряженно смотрела на него. Они уже перестали веселиться, он видел их серьезные лица, суровые, крепкие тела в камуфляже. Он прекрасно представил их в засаде на поле боя, с тяжелым оружием в руках, стреляющими в противника не дрогнув.

Кракюс должен был сделать паузу, чтобы услышать согласие Сандро. Его голос сделался более уверенным и менее напряженным:

— Вы точно знаете, что хотели бы с ними сделать?

Сандро не шевельнулся. Он не мог опомниться от такого поворота событий. Не мог представить себе, что люди, согласившиеся сопровождать его на место, могли помочь ему отомстить. Это, конечно, упрощало дело... Но хотел ли он этого? Речь шла о его личном деле, это ведь его жизнь разрушена... В глубине души он был уверен, что действовать должен именно он, ему следует совершить это дело своими собственными руками. Это он должен не пощадить жизни, чтобы эти дикари заплатили за все, он сам хотел их...

Сандро почувствовал, как в нем вновь поднимается жут-

кая ненависть, терзающая его уже целый год. Это сдерживаемое бешенство, которое сводит его с ума.

— Их не очень-то много, — вновь заговорил Кракюс. — Мы хорошо вооружены. Можно взяться за это дело по-разному... Что вы об этом думаете, парни?

Члены его команды обменялись понимающими взглядами, но никто не произнес ни слова.

— Ну? — повторил Кракюс. — Как вы это себе представляете?

Первым заговорил Марко и неуверенно изложил, как убийство представляется ему. Затем свои соображения представил Альфонсо, потом вновь взял слово Кракюс, предложения которого задали новое направление мыслям остальных. Обмен мнениями начал набирать обороты. Очень скоро они дошли до квинтэссенции ужасов, каждый, опираясь на мнения других, разрабатывал все более и более отвратительные планы. Бывшие наемники уже не могли остановиться. Они возбуждали друг друга, соперничая в предложениях разного рода насилия. Кракюс ужасно развеселился. Годи оставался в стороне. Он с беззаботным видом чистил ботинок, не обращая никакого внимания на своих дружков, словно они спорили, с каким счетом закончится футбольный матч.

Происходящее приобрело какой-то сюрреалистический характер.

Слушая их обсуждение самых мрачных планов, Сандро

вдруг осознал, что сам он ничего не продумал в деталях. Его план мести был словно мутная фотография. Он ограничился каким-то абстрактным воображением бед, которые хотел причинить им в отместку. Он хотел заставить их испытать такое несчастье, которого требовала его боль. Он представлял это отвлеченно, исходя лишь из собственных эмоций.

Услуги, которые ему предлагали, одна страшнее другой, казались ему не соответствующими тем страданиям, которые он надеялся им причинить. Он жаждал для них настоящей муки, такой, какую переживал он сам. Не физической боли. Не смерти-освободительницы.

Краюс, явно довольный творческим размахом товарищей, повернулся к клиенту:

– Ну и что вы об этом думаете?

Все разом замолчали и уставились на Сандро. Тишина показалась ему такой же оглушительной, как недавнее обсуждение. И даже от леса исходила мрачная атмосфера. Все взгляды из темноты были устремлены на него. Сандро долго молчал. От дыма шел резкий запах древесного угля.

Пламя, казалось, корчило от боли, искажая лица сидящих вокруг костра. Его собственное лицо, залитое потом, горело. Жестокие слова военных еще висели в воздухе, вертелись в голове, отзывались в закоулках души.

Они ждали... Нужно было заговорить, прервать тишину.

– Ваши предложения... – сказал он голосом, который ему самому показался замогильным, идущим откуда-то извне. –

Ваши предложения сделают их конец... слишком легким, слишком быстрым.

Марко и Альфонсо вытаращили глаза. И посмотрели на своего предводителя.

– А я хочу, – продолжил Сандро, – сделать их несчастными каждый час, каждую минуту, каждую секунду до конца их жизни.

– Продолжайте петь. Приближаемся.

Кракюс аккуратно положил карту в карман униформы, в то время как его товарищи вновь завели свои обычные на-
доевшие песни:

Juegas a la dama,
Dices que no eres una cualquiera
Pero todos pagan por tu precio
Que supera el million¹.

– Хватит! Надоело! Вот уже четыре дня, как мы поем. Я больше не могу, – сказал Марко.

Но тем не менее присоединился к остальным. Кракюс был неумолим на этот счет. Никто не знал, где именно живут ди-
кари. Чужаков, незаметно проникающих на их территорию, они считают врагами. Пение же повсюду считалось знаком мирного визита и помогало уберечься от стрелы в спину.

Кракюс обернулся. Его клиент с растерянным видом тяжело продвигался вперед. Хорошо еще, что не упал, сказал он себе. Содержимое рюкзака Сандро распределили между остальными; скрипя зубами, те взвалили его себе на пле-

¹ Изображаешь из себя даму, говоришь, что ты не какая-нибудь там, но все платят тебе деньги, миллион (*исп.*).

чи. Вот уже два дня Сандро одолевала странная болезнь. Годи подумал было, что у него приступ малярии или лихорадка денге. В конце концов, возможно, это были последствия стресса. Некоторых путешественников начинало мучить ощущение, что они – пленники джунглей, да плюс еще жара и постоянно грозящая опасность. Каждый нервничал по-своему. Это называлось «острая бредовая вспышка». Люди могли начать делать все, что угодно, совершенно непроизвольно. Могли впасть в детство, и тогда их приходилось кормить с ложечки. Есть множество способов ускользнуть от действительности, ставшей невыносимой.

Бедные людишки, сказал себе Кракюс. Оказавшись среди дикой природы, большинство современных людей прожили бы не дольше, чем йоркширский терьер, привыкший сидеть в гнездышке из розового шелка.

А если проблема Сандро в другом? Чем ближе он к цели своего путешествия, тем сильнее обостряется его болезнь. Но Кракюс не жаловался. Это позволит ему все взять в свои руки. Отказ клиента от убийства индейцев лишал его хорошего заработка, о котором он уже было размечтался. Недомогание Сандро приведет к тому, что тот доверит ему руководить операцией. Сделать людей несчастными, должно быть, не так уж сложно. Разве не зря его прозвали занудой, когда он был мальчишкой? Конечно, контракт не принесет такой прибыли, как если бы речь шла об уничтожении, но это все же лучше, чем гонорар за сопровождение. Он сделает

все, чтобы показать себя необходимым, а там уж поднимет цену. Этот преподаватель факультета должен неплохо зарабатывать. У американца должны водиться деньжонки.

Cuando ves a un hombre
Haces que gaste,
Toda su billetera
Lo desangras, lo desplumas
Y lo tiras en un Rincon².

Кракюс вспомнил их первую ночь в джунглях. Они уже глубоко заснули, и тут Сандро напугал их до смерти: он внезапно завыл, разорвав ночную тишину. Мужчины тут же вскочили, резко пробудившись, и бросились к оружию. И за долю секунды уже были готовы к атаке, ружье к щеке, глаза обшаривают темноту.

– Что случилось? – крикнул Кракюс, держа палец на курке. – Что происходит?

– Там, – ответил Сандро, протягивая руку.

– Что?

– Глаза... Я видел глаза...

Кракюс направил фонарь в указанном направлении и обшарил местность. Ничего.

Все настороженно молчали, готовые действовать. Напряжение было огромно.

² Когда ты видишь мужчину, заставляешь его платить – все его деньги, ты обдираешь его и выбрасываешь (*исп.*).

– Глаза человека?

– Не знаю...

– Какие это были глаза? – спросил он, нервничая.

– Блестящие.

– На какой высоте?

Сандро заколебался.

– Трудно сказать, метров десять... Приблизительно так, – сказал он, – показывая рукой высоту метров в пять.

– Приготовиться, это ягуар.

– Ягуар...

Из предосторожности они выставили посты, чтобы спокойно доспать эту ночь, но заснуть никому не удалось.

Juegas a la dama

Dices que no eres una cualquiera

Pero todos pagan por tu precio

Que supera el million.

Кракюс сунул руку в рюкзак, достал карту и компас, сверился со своими отметками, поскольку у него зародилось сомнение. Нет, все нормально, они на верном пути.

Они уже приближались к цели, как вдруг Сандро рухнул на землю. В полуобморочном состоянии он изо всех сил старался подняться. Мужчинам пришлось по очереди нести его. К счастью, через полчаса команда прибыла в деревню.

Кракюс был напряжен, хотя оснований для этого не было. Первым их заметил ребенок, игравший на стволе упавше-

го дерева. И пустился бегом, чтобы предупредить взрослых.

Деревня располагалась у ручья, в центре стояла *малока*, огромная хижина из бамбука, в которой туземцы спали все вместе. Постройки остались неизменными с прошлого года. Только растительность подросла так, что место казалось другим. Но атмосфера не изменилась, было тихо и как-то тревожно. Впечатление было такое, будто жизнь протекает здесь в замедленном темпе. А запах остался прежним: смесь горелых поленьев и сушеной маниоки.

Индейцы почти не обрабатывали жилую зону, и свет здесь был ясным, но бледным, словно идущим через фильтр. Это напоминало фильм Дэвида Хэмилтона³. Они заметили нескольких женщин, которые хлопотали у костра – медленно и спокойно.

Индейцы узнали Кракюса и позволили ему войти на их территорию.

Он решил разбить лагерь немного в стороне, на входе.

– Вода здесь будет чище... – пояснил он Альфонсо.

Они с товарищами построили три хижины: одну для Годи, для которого изоляция была почти жизненной необходимостью, другую для Сандро, третью для остальных. Строительным материалом послужили ветви деревьев и кустарников, крышу и стены сделали из листьев пальмы тулуриса, нало-

³ Дэвид Хэмилтон (1933–2016) – французско-британский фотограф и кинорежиссер, который прославился мягко сфокусированными снимками обнаженной натуры.

женных друг на друга. Пол кое-как смастерили из стволов вассай.

Они уложили Сандро в гамак. Кракюс дал ему немного воды, затем уселся на бревно рядом с ним. Остальные ушли.

Это хорошо, что Сандро болен, сказал он себе, но нужно, чтобы он остался в живых.

Он чиркнул спичкой, и маленькое желто-синее пламя на миг осветило хижину. Он поднес сигарету к огню.

Годи прописал клиенту покой и отдых. Сейчас это уже возможно.

Кракюс глубоко вдохнул. Хижина пахла зеленым лесом.

Путешествие оказалось трудным для всех. Клиент теперь спал глубоким сном, длинные, слегка выющиеся взъерошенные каштановые пряди падали ему на лицо, оно было спокойным. Во сне его черты казались ангельскими, но, когда он просыпался, постоянно нахмуренные брови придавали ему недовольный вид. Только яркие темно-синие глаза оживляли это угрюмое лицо.

Вдалеке слышалось пение индейцев. Кракюс представил себе, как они собрались вокруг костра, выполняя какой-то из своих многочисленных обрядов.

Он задумался. Ему было выгодно начать действовать прямо сейчас, чтобы осуществить задуманную Сандро месть. Если он возьмет все в свои руки и войдет в роль, клиент волей-неволей даст ему возможность продолжать.

Он затянулся сигаретой и стал медленно выпускать колеч-

ки дыма, исчезающие среди пальмовых листьев. Снаружи было слышно, как индейцы ускорили темп песнопения.

Кракюс вздохнул.

Что ж, придется вновь продемонстрировать, как он умеет портить им жизнь.

Следующие дни Кракюс провел, ближе знакомясь с индейцами.

Предыдущее пребывание было слишком коротким. Теперь же он старался вызвать симпатию представителей племени, завязать отношения, чтобы создать себе репутацию уважаемого человека. В нужный момент очень важно выглядеть лидером, чьим указаниям следуют все...

И пока Сандро в это время отлеживался в своей хижине, Кракюс готовил почву, отвоевывая новые позиции.

Он встретил Можага, которого представили ему как великого и очень мудрого рассказчика.

– Что во мне действительно великое, так это возраст, – запротестовал Можэг, прищулив окруженные морщинками насмешливые глаза. – Я просто болтаю всякое, сидя у костра.

«Слишком скромн, чтобы быть искренним», – сказал себе Кракюс, который не доверял этим старым обезьянам с походкой уважаемых мудрецов.

Они обменялись какими-то незначительными репликами. Старик, разговаривая, слегка покачивал головой, стремясь найти нужные слова.

– Ты уже видел Элианту? – спросил он.

Кракюс помотал головой. Многие уже упоминали это имя. Она, должно быть, играла важную роль, но ему пока не уда-

лось узнать какую.

Рассказчик оглядел собравшихся, но не увидел ее.

– Это та, кто заслуживает, чтобы ее знали, – сказал он, ничего более не уточняя.

Кракюс находил жизнь туземцев совершенно неинтересной. Ничего не происходит, говорил он себе, в этой деревне можно умереть со скуки.

Индейцы ходили полуголыми: на них не было ничего, кроме подобия набедренной повязки, едва прикрывавшей интимные места. Женщины ходили с открытой грудью, всякий день тратя по многу часов, чтобы нанести узоры на свои тела и тела своих детей. У них почти ничего не было, только немногочисленная глиняная утварь, нескольких грубых одеял, цветные перья, корзинки, плетеные подносы и духовые трубки, луки для охоты и нескольких голов скота, да еще маленькая делянка, где росла маниока. Они охотились по несколько часов то тут, то там, собирали плоды, но бóльшую часть времени этим беднякам было совсем нечего делать. Они просто проживали проходящее время.

«Они, должно быть, умирают со скуки!» – сказал себе Кракюс.

Он решительно не понимал увлечения журналистов и ученых этими «примитивными народами», как они их называли. Еще порция сахарной глазури, чтобы подсластить реальность. Примитивны, да. И если эти дикари счастливы, то, совершенно очевидно, только потому, что наивны.

Умственно отсталые, вот и все. Впрочем, разве не говорят «счастливый дурак»? Если, чтобы быть счастливым, надо стать идиотом, то он, Роберто Кракюс, предпочел бы сохранить свои невзгоды и несчастья. Это, по крайней мере, придает его существованию хоть немного остроты.

Он чувствовал, что миссия предстоит крайне сложная. Как можно испортить жизнь людям, ведущим... пустое существование? Как можно сделать несчастными тех, кто не имеет ничего, чтобы быть счастливыми?

На третий день Кракюс решил поставить несколько небольших опытов. Посмотреть на реакцию. С наступлением ночи он дождался, когда деревня окажется в объятиях Морфея, и тихонько вышел из хижины в полную темноту, зажег фонарь, но использованная батарейка выдала только слабый лучик. Он поежился от ночной свежести. От влажного и темного подлеска исходил слабый запах мха. Он направился к малюке.

Растительность вокруг жилища была немного освещена: это луна смогла пробиться сквозь листья. Ее белые лучи заливали светом большую хижину, и все вокруг казалось сверхъестественным. Издалека казалось, что малюка выплывает из лесного сумрака, как корабль-призрак, разрывающий тьму.

Он подошел. Изнутри слышался храп.

Кракюс очень осторожно открыл большую корзину, в которую мужчины складывали оружие. Крышка слегка скрип-

нула. Он внимательно осмотрел кучу луков, сложенных как попало, и заметил самый красивый, самый большой и богаче всех украшенный. Он вспомнил, что видел индейца, с гордостью демонстрировавшего этот лук товарищам. Он взялся за него двумя пальцами и попытался осторожно вытащить. Но равновесие было таким хрупким, как при игре в «Микадо»⁴, и шум бьющихся друг о друга деревяшек показался слишком громким в ночной тишине. Кракюс застыл и постоял с минуту, затаив дыхание. Потом схватил свой швейцарский нож, выдвинул очень тонкое лезвие и надрезал основание лука в центре, по внешней стороне. Надрез был хоть и глубоким, но едва заметным. Удовлетворенный, Кракюс положил лук на место и закрыл корзину.

Он уже собрался уходить, но тут заметил на веревке свежевystиранное белье. Оглянувшись, он убедился, что никто не проснулся. Тогда он взял горсть земли и швырнул в белье. У него было ощущение, что он вернулся в детство, в тот возраст, когда хулиганят, чтобы досадить соседям и потом посмеяться над ними.

Все это на самом деле было слишком незначительно. Смехотворно. Первоначальные мысли о пытках и убийствах были уже отброшены... Но что они могут сделать? У этих людей ничего нет. Им нечего терять. Каким образом можно испортить им жизнь?

⁴ «Микадо» – настольная игра, развивающая мелкую моторику; состоит из набора бамбуковых палочек.

В этот момент Кракюс услышал шум за спиной. Он обернулся и заметил движущуюся тень. Он инстинктивно напрыгнул и замер. Стал вглядываться в темноту и вдруг заметил женский силуэт. Молодая женщина направлялась в лес. А что, если пойти за ней? Он выждал несколько минут, потом решил отказаться от преследования, но вдруг заметил другой силуэт, явно направлявшийся туда же, но с большими предосторожностями, — человек явно старался держаться тени. Однако, когда луна через четверть секунды осветила лицо, Кракюя понял, что это индеец, которого он встретил в деревне. Аван, да, Аван. Кракюс терпеливо подождал, пока он удалится, а затем осторожно пошел в том же направлении.

Два человека встретились у обработанной делянки. Подойдя поближе, Кракюс спрятался среди растений. Луна изливала бледный свет на поляну. Неподвижно стоящие у кромки поля индейцы казались ему фигурками из театра теней, их черные силуэты четко вырисовывались на фоне белой лужайки. Несколько минут они постояли друг против друга, прежде чем слиться в объятиях. Потом мгновенно отпрыгнули. В профиль видны были торчащие груди молодой женщины. У мужчины была эрекция. Они снова устремились друг к другу, и их тела слились в ночи.

На другой день Кракюс надел полевую форму, походные ботинки и фуражку, поднял воротник и направился в деревню. Мужчины еще не вернулись с охоты. Босые дети играли на земле. Он заметил молодую женщину, снимавшую белье.

– О-ля-ля! – воскликнул он. – Твое белье запачкано! Не знаю, ветер тут виноват или дети. Но тебе, похоже, не повезло.

– Ну ничего, – сказала она с широкой улыбкой. – Вода все смое.

Сказав это, она скомкала белье, сунула под мышку и направилась к ручью. Кракюс пошел следом за ней.

– Это ты вчера его постирала?

– Да.

– А как тебя зовут?

– Залтана.

Она присела на берегу. Ряд камней слегка сдерживал течение, образуя своего рода запруды для стирки белья. Она опустила вещи в проточную воду и стала тереть друг о друга. Ее голые груди колыхались, и Кракюс почувствовал, что здорово возбуждился.

– А теперь приходится все делать заново, бедняжка! Вся работа пропала...

Она только рассмеялась в ответ. Звонким раскатистым

смехом. Он желал ее все сильнее. Позже, сказал он себе, это надо отложить на потом.

– Черт возьми! – проговорил он вслух. – Это не может быть ветер! Ночью было тихо. Это кто-то нарочно сделал.

– Я не понимаю – зачем?

– Если бы я знал, кто этот мерзавец, из-за которого тебе приходится все переделывать...

– Да ладно, все уже почти закончено.

– Но это испортило тебе утро. Ты могла бы отдохнуть, расслабиться... а тебе пришлось вкалывать!

Она спокойно выжала мокрое белье, встала и пошла в деревню.

Кракюс последовал за ней, изо всех сил стараясь испортить ей настроение. Но тщетно.

Подойдя близко к малoke, она обернулась к нему с широкой улыбкой, открывающей красивые белые зубы:

– Грязь давно уже ушла с моего белья, но все еще остается в твоей голове.

Мужчины вернулись с охоты с песней. С очень довольным видом сложили добычу на площади. Сегодня детям достанется немного мяса. Кракюс внимательно оглядел группу и наконец заметил одного, у которого на плече не было оружия. И взял этого индейца на заметку.

– Твой друг не охотится? – сказал он, указывая на несчастного.

– Да. У него нет лука.

– Почему?

– Сломался.

Услышав, что говорят о нем, индеец подошел к ним с любознательным видом.

– Я узнал про твой лук, – сказал Кракюс. – Это, по правде сказать, досадно, он был самый красивый из всех, самый большой, богаче всех украшенный. Мне очень тебя жаль. Все, наверное, завидовали тебе... Ты, должно быть, огорчен.

Мужчина посмотрел на него удивленно и весело одновременно:

– О чем ты говоришь?

– О твоём луке, конечно.

– У меня нет лука.

Кракюс не знал, что ответить. Непохоже, что этот человек хочет над ним посмеяться. Но почему тогда он все отрицает?

– Я видел тебя вчера с луком. Он у тебя великолепный, такой красивый...

– Вчера – может быть, но сегодня у меня нет лука. Вот так, – сказал тот очень спокойно.

– Тебе его жаль, не отрицай! Это непременно должно было тебя хоть немного расстроить.

– Этой вещи больше не существует. Зачем расстраиваться из-за вещи, которой уже нет?

Кракюс потерял терпение:

– Но вчера-то она существовала!

– Но вчера исчезло, мой друг. Сейчас сегодня, только сегодня.

Кракюс в полной растерянности отступил. Ему ничего не удалось добиться от этих проклятых дикарей. Они слишком глупы, чтобы реагировать на то, что с ними происходит, слишком наивны, чтобы душевно страдать.

Он явно проигрывает. Он придумывал, как обозлить их, заставить хоть немного реагировать... Если бы у этого охотника остались, по крайней мере, обломки лука, Кракюс мог бы доказать, что это было вредительство, и таким образом поспорить их между собой. Но ему даже такого случая не представилось. Своими экспериментами он хотел вынудить Сандро развязать ему руки, но ничего не вышло.

Он присел на пень, вынул пакет с табаком, скрутил несколько сигарет и одну закурил. Внезапно ему в голову пришла мысль, такая ясная... Если уж ему не удалось хотя бы немного их разозлить, то как Сандро, этот хлипкий Сандро добьется этого в одиночку? При любых обстоятельствах он в нем нуждается. И если ничего не получится, тогда Сандро в конце концов, возможно, согласится с их предложениями действовать силой, как они вначале и предлагали...

Кракюс вдруг увидел Авана, любовника, которого он видел прошлой ночью. Ну что ж, попытаем счастья, подумал он, не особенно надеясь на удачу.

– Сигарету, Аван?

– Нет, спасибо, – сказал молодой индеец, поприветствовав

его.

«Надо бы его пристыдить», – подумал про себя Кракюс.

– Вчера в самом начале ночи я вышел подышать воздухом и немного отошел от хижины.

– Была хорошая погода, правда?

Кракюс согласился, медленно выпуская дым в сторону своего собеседника.

– И видел тебя на краю поля с твоей подружкой.

Лицо молодого человека засветилось, на нем не отразилось совершенно никакой неловкости.

– А, Исанда... Правда, она красивая?

Кракюс помолчал, затем затянулся сигаретой.

– Я хочу сообщить тебе кое-что неприятное, но это не так легко.

Индеец не пошевелился и ничего не сказал.

– Через несколько часов я вышел помочиться.

Дым вылетал и рассеивался в воздухе легкими колечками.

Он продолжал:

– Я опять встретил твою подружку, но на этот раз она была с другим мужчиной.

Аван никак не отреагировал.

– Признаться, я удивлен, – заключил он.

– И это все, что ты на это скажешь? – занервничал Кракюс.

Молодой человек был невозмутим:

– Мы не женаты, она не давала мне клятвы...

– Но это все же твоя подружка!

– Да, но она свободна.

Кракюс вышел из себя:

– Да очнись же ты, черт тебя побери! Она занималась любовью с другим мужчиной!

Аван спокойно посмотрел на него:

– Знаешь, хуже она от этого не стала...

Элианта улыбнулась женщине, протянувшей ей блюдо, и взяла немного пюре из маниоки, зерен вареной марипы, молодых ростков маринованного бамбука в соусе вассаи, фаршированных измельченными зернами муку-муку. Кухарка, как обычно, посвятила утро приготовлению пищи, полностью отдаваясь этому занятию, вкладывая в него все лучшее, что было в ней, чтобы получились самые вкусные блюда.

В деревне у каждого было свое место, своя роль в общине, в зависимости от предпочтений. Никакой иерархии, каждый отвечает за дело, которое сам выбрал. Некоторые посвящали себя одному занятию, другие распределяли время между двумя, а некоторые предпочитали участвовать сразу в нескольких, переходя от одного к другому по мере необходимости.

Элианта добавила несколько фруктов и села около старого сказочника.

Индейцы спокойно обедали в благодатной тени патавы. Легкий ветерок приносил приятное чувство прохлады, что-то шептал в листве больших деревьев.

Элианта взяла маракуйю и разрезала пополам. Желто-оранжевая мякоть в виде звезды была необыкновенно красива, а запах изысканный, как у деликатеса. Молодая

женщина тихо поблагодарила Мать Землю, дарующую такие чудеса для пропитания. Откусила от чудесного плода и прикрыла глаза, чтобы насладиться его сладко-кислым вкусом. Она наслаждалась каждым блюдом, они пробуждали в ней чувства и успокаивали сознание.

Закончив трапезу, она повернулась к старику:

– Ну, Можяг, что ты расскажешь нам сегодня вечером?

Рассказчик поднял на нее глаза и улыбнулся. Прекрасные морщинки бороздили его лицо. Как и все старики, он наслаждался своим положением уважаемого человека. Старость уважали даже самые молодые. Они обращались к старшим, когда возникала какая-нибудь деликатная проблема. Прожившие долго передавали им свой неоценимый опыт, а также мудрость, к которой стремились все. В зависимости от ситуации они играли роль советников, учителей, судей и даже исповедников. Старики были стержнем общины.

– Историю... бабуина и птиц... перелетных, – ответил он неуверенным голосом, подыскивая слова.

Элианта прищурилась, пытаясь догадаться, какие темы для размышлений даст этот рассказ. За внешним, очень простым сюжетом его сказок, которые любили даже дети, скрывались мысли, толкающие погрузиться в самого себя и предаться глубоким размышлениям.

– И у тебя уже есть название? – спросила Элианта лукаво.

– Ну да, конечно... я не сочинил... я уже нашел кое-что... но...

– Подожди, хочу сама догадаться: это ведь из того, что было.

– Ну нет! Совсем не то. Название не вызывает... как бы это сказать... никаких чувств, так... немножко привлекает внимание, а про что там будет, не догадаешься...

Можгаг тщетно искал названия к своим историям. Оставливался на каких-то, но большей частью отказывался и от них.

Он поднялся, отошел и присел рядом с группой мужчин, женщин и детей, собравшихся послушать его. Повременил немного, терпеливо ожидая, когда улягутся разговоры и наступит тишина. Потом его голос зазвенел, словно в волшебной опере: если в обычное время он всегда бормотал, спотыкался на каждом слове, то истории он рассказывал без запинки, плавно и необыкновенно приятным голосом.

Жители деревни слушали его рассказ, убаюканные музыкой слов и увлеченные интригой, приключениями и его скрытым смыслом.

Кракюсу не везло. Ему никак не удавалось вывести индейцев из себя. Что бы он ни делал, он не видел никакой ответной реакции. Даже тени раздражения. Ничего. Nada. Все они, как упрямые ослы, коснели в своем идиотском оптимизме. От них ничего нельзя было добиться.

Он вспомнил, что сказал об индейцах Христофор Колумб: «Они были бы хорошими слугами. Достаточно пятидесяти человек, чтобы обслужить всех, их можно заставить делать все, что захочешь». Этот тупой мореплаватель обольщался. И конечно, ошибся по всем статьям, потому что здешние туземцы все-таки никакие не индейцы... И даже шесть веков спустя их продолжают так называть, не желая прямо признать, кем был Колумб на самом деле, а был он человеком никчемным. Во всяком случае, называясь Колумбом, можно делать какие угодно мерзости.

Подойдя к хижине Сандро, Кракюс остановился и на несколько мгновений задержался, чтобы перевести дух. Надо успокаивать его, создавать впечатление, будто он хорошо владеет собой и способен контролировать ситуацию. Он два раза постучал по деревянной балке и вошел.

Сандро с открытыми глазами лежал в гамаке, грезя о чем-то. Прошло два дня, и ему уже стало гораздо лучше.

– Как чувствуешь себя сегодня? – спросил Кракюс, наконец решивший, что будет обращаться к нему на «ты».

Сандро повернул к нему красивое мрачное лицо, но ничего не ответил, вероятно пребывая в своих мечтах.

– Я хорошенько понаблюдаю за нашими дикарями, – начал Кракюс, чтобы прервать молчание. – Сдается мне, не так-то легко сделать их несчастными. Эти парни – убежденные оптимисты. Что бы ни происходило, они продолжают улыбаться.

Сандро смотрел на него, не произнося ни слова.

– Это меня не удивляет, – сказал он спокойно.

– Почему?

– Я прочел все статьи антропологов, которые изучали это племя. Теперь я, наверное, знаю их лучше, чем они сами.

– Можно? – спросил начальник экспедиции, указывая на бананы, которые сам накануне разложил на сундучке.

– Это же твои.

Он взял один и начал чистить.

– Нужно как следует их встряхнуть, чтобы вывести их из равновесия.

Сандро поморщился.

– Все без толку, – сказал он. – Даже отрицательная энергия всего мира не выведет их из себя.

Кракюс откусил банан и стал машинально жевать.

– Ты что, передумал? Но ты ведь пришел сюда, чтобы поспотеть с ними... или уже нет?

Сандро покачал головой.

– Тогда что же ты хочешь с ними сделать?

Сандро сел в гамаке, спустил ноги, и они болтались у него в пустоте.

– Пока индейцы в таком состоянии, их ничем не проймешь.

– В таком состоянии?

– Они самодостаточны...

– Не вижу, как это можно изменить.

– Это община, их бытие размеренно...

– А ты можешь перевести это на нормальный язык, философ?

Сандро метнул на него сердитый взгляд.

– Не надо так меня называть! – сказал он резко.

Кракюс опять куснул банан, раздраженный словами клиента. Его манера раздражаться по пустякам без видимой причины просто невыносима. Даже комплимент может его обидеть.

– Если бы ты говорил как все, – пробурчал он с набитым ртом.

Сандро, недовольный, долгое время оставался неподвижным.

– Я хочу сказать, что они с полной отдачей проживают каждый момент своей жизни, ничего не ожидая, не думая о том, что сделают через пять минут, через час или на будущей неделе. Когда они смотрят на цветок – они смотрят на цветок. Когда они кого-нибудь слушают – то слушают. Когда они едят ананас – они едят ананас...

Кракюс нахмурился и вновь откусил банан, пристально глядя на собеседника. Этот тип и вправду говорит чепуху с самым вдохновенным видом. Долгое обучение приводит к тому, что некоторые становятся полными тупицами.

Сандро продолжал:

– Они наслаждаются каждым глотком в тишине, полностью осознавая свои чувства. Они глубоко чувствуют, про-

живая каждый момент. Когда они с кем-то встречаются, они не ждут, что ими будут восхищаться или уважать, не знаю, что там еще. Они всегда искренни. Они не судят других и не боятся, что осудят их самих. Они... свободны.

Кракюс поперхнулся, чуть не задохнувшись, и начал кашлять. Он открыл дверь и зашвырнул подальше остатки банана. «Я тоже свободен», – сказал он про себя, продолжая делать вид, что его интересует то, о чем толкует клиент.

– Ну тогда как же ты хочешь взяться за них?

Сандро потянулся и тихо вздохнул. Гамак слегка покачивался из стороны в сторону, все медленнее и медленнее, все слабее и слабее.

Кракюс терпеливо ждал.

– Нужно, – проговорил наконец Сандро, – усыпить их сознание, разум, сделать их бесчувственными.

– Сделать их бесчувственными.

– Нужно найти такое средство, которое могло бы отвлечь их внимание от них самих и от реального мира. Нужно, ну не знаю, загипнотизировать их, что ли.

– Загипнотизировать...

– Да, загипнотизировать... Особенно утром, когда они только проснутся. Психотерапевты знают, что первое дело, за которое человек берется после пробуждения, интерпретируется мозгом как самое важное, и тогда впоследствии он направляет все ресурсы на выполнение подобных задач в ущерб другим.

Кракюс помрачнел:

– Первое, что я делаю утром, – это иду помочиться.

– Я имею в виду важные дела. Например, если ты начинаешь свой рабочий день, проверяя электронную почту, твой мозг думает, что для тебя самое важное – это получение внешней информации. Если ты делаешь это каждый день, тогда тебе будет все труднее и труднее сконцентрироваться, чтобы думать самому, так как твой мозг в основном будет настроен получать внешние стимулы, нежели производить внутреннюю работу.

– Электронная почта... Я живу в джунглях одиннадцать месяцев из двенадцати.

– Одним словом, для индейцев нужно придумать такой трюк, чтобы завалить их внешними стимулами, постоянно гипнотизируя их с момента пробуждения.

Кракюс посмотрел в окно, затянутое москитной сеткой, закрывавшей отверстие в стене. В воздухе витал запах срезанного тростника, который служил опорными стойками хижины.

Метрах в пятнадцати Марко с Альфонсо курили перед хижиной, сидя на пнях. У них за спиной какой-то мелкий грызун пытался пробраться в жилище, вероятно привлеченный запахом пищи, оставленной внутри.

– Я поговорю об этом с Годи. У него голова лучше всех варит. Ему можно доверять.

Сандро обхватил голову руками.

– Нужно будет найти такое средство, которое оторвало бы их от реальности... – проговорил он задумчиво. – Надо, чтобы они перестали пользоваться своими пятью чувствами, своей интуицией и инстинктами, ощущая и воспринимая мир, мы навяжем им искаженное видение реальности.

– Ну да... а точнее?

– Ну хорошо, нужно, чтобы кто-нибудь делал за них их работу, засыпал их сведениями, дающими иллюзию, что они хорошо понимают свой мир...

– А, понимаю...

– Так убьем сразу двух зайцев, – сказал Сандро, выпрямляясь в гамаке. – Можно, кстати, еще и подорвать их мораль, покончив с их позитивным отношением к миру.

– Да?

Сандро внезапно, одним прыжком, вскочил и начал ходить взад и вперед.

– Нужно создать новый ритуал их жизни. Нужно, чтобы кто-нибудь каждый день в один и тот же час говорил им о том, что все идет в деревне не так, затронуть все проблемы, все опасности, все, что плохо...

Кракюс косо посмотрел на своего клиента и поморщился:

– Не получится.

– Конечно получится.

– Нет, это не выйдет по одной простой причине.

– По какой же?

– Никто не придет слушать кого-нибудь просто так! Ни-

кто не захочет постоянно слушать неприятные вещи. Они не мазохисты.

Сандро посмотрел на Кракюса с улыбкой:

– Наоборот, именно потому, что он будет говорить о плохом, они и придут его послушать. Именно потому, что он будет вестником дурных новостей, они обратят внимание на его слова.

Кракюс недоверчиво покачал головой. Сандро сделал шаг к нему:

– Плохие новости, проблемы, опасности завладевают всем нашим вниманием, так как стимулируют наш инстинкт выживания. Это сильнее нас, это почти физиология... Они не устоят. Поверь.

Кракюс не знал, что и думать. В окно он увидел выходящего из хижины грызуна, несущего в зубах пучок злаков. А эти идиоты Марко и Альфонсо сидят совсем рядом и ничего не замечают.

– Во всяком случае, не так уж трудно находить каждый день отрицательные стороны жизни и говорить о них. Это не проблема...

– Когда хотят найти проблему, ее находят, поверь мне, а кроме того, можно сделать и кое-что еще...

– Что?

Сандро вновь уселся в гамак.

– Повременим немного. Трудность в том, что эти дикари во всем видят положительную сторону. Светит солнце. Они

довольны. Дождь. Они рады. Сорняки заполонили поля посаженной ими маниоки. Они довольны. Нужно добиться того, чтобы они начали видеть негатив в нейтральных вещах.

– И как же ты это сделаешь?

– Нужно научить их отличать отрицательные вещи, и тогда они в конце концов их заметят.

– Отличать?

– Они должны научиться называть дождь плохой погодой, молодые побеги – «сорная трава», некоторые запахи – «вонь» и так далее.

– Понятно.

– Это изменит их восприятие. Скоро их мир не покажется им столь прекрасным.

Кракюс вздохнул, почти убежденный.

– Как ты думаешь, мог бы ты за такое взяться? – спросил Сандро.

– Я занимаюсь всем, философ, – поспешил ответить тот.

Взгляд Сандро резко помрачнел, в нем мелькнула странная смесь гнева и отчаяния. Кракюс подумал, что лучше было бы промолчать. Удивительно видеть человека, у которого так быстро меняется настроение.

– Я запрещаю тебе называть меня философом, – сказал Сандро почти замогильным голосом.

– Я думал, ты препод филологии?

– Филология и философия – разные вещи.

Он растянулся в гамаке, явно раздосадованный.

– И... какая разница? – осмелился поинтересоваться Кракюс.

Сандро закрыл глаза и промолчал. Кракюс некоторое время колебался, что лучше – уйти или дожидаться ответа. Но Сандро наконец прервал молчание:

– Ты в детстве посещал колледж?

– Да, совсем немного.

– Помнишь естественные науки, тему «Половое размножение»?

– Это, наверное, единственное, что осталось у меня в голове.

– А учителя, который тебе это преподавал...

– Мадам да Сильва ее звали...

Кракюс еще не забыл свою старую учительницу, ей было неловко, и она излагала эту тему, пользуясь самыми нейтральными медицинскими терминами.

– Она хорошо знала предмет?

– Ну... да, я полагаю.

– Ты думаешь, это сделало из нее сексуальное животное?

– Ну что, договорились?

Кракюс взглянул на ватагу радостных детей. Хорошо ли они его поняли?

Он хлопнул в ладоши, подбадривая их.

– Давайте! Вы рассказываете мне, что плохого в деревне, роще, реке – повсюду, все свои маленькие заботы, проблемы, все, что не ладится. Как только увидите животное, которое кусается, растение, которое жжется... говорите мне! Я хочу знать все.

Дети весело рассыпались в разные стороны. Какое счастье, что они тут есть. Кракюсу так и не удалось уговорить взрослых. Все отворачивались, при этом сохраняя на лице свои проклятые улыбки. Их неспособность выразить свою личность ужасно его бесила. Невозможно найти ну никакого подхода к этим дикарям. Они были настолько тупы, что не способны понять, что он принадлежит к куда более развитой цивилизации. Им следовало бы уважать его, подражать ему...

Он заметил вдалеке Элианту. Несколько часов назад он познакомился с ней и изложил свой проект сообщения информации «на благо всех». Она благосклонно улыбнулась, что на самом деле ничего не означало.

Он помахал ей рукой. Она подошла. Стройное, изящно

вытянутое тело. Очень гладкая золотистая кожа, как папайя на солнце. Только грудь слишком маленькая – не в его вкусе.

– Ты мне нужна, – сказал он ей. – Ты не могла бы мне помочь?

– Конечно, – сказала она самым естественным тоном.

Он почувствовал облегчение. Наконец-то хоть одна готова сотрудничать.

– Вот дети принесут мне кучу сведений. Нужно, чтобы кто-нибудь передал их всем, всей деревне. Нужно рассказать все, что они разузнают. Мы будем делать это каждый день.

– Я понимаю.

«Уже кое-что», – подумал Кракюс.

– А хочешь взять это на себя? Это почетная роль, понимаешь? Все будут восхищаться тобой и даже завидовать. Ты сможешь гордиться.

На миг она нахмурилась, а потом вновь заулыбалась:

– Я поклялась не гордиться тем, что я делаю. Очень жаль, но я не могу принять ваше предложение.

– Ты поклялась...

Она покачала головой.

Кракюс постарался взять себя в руки. Эти проклятые индейцы доведут его до ручки. Вдруг его осенило.

– Хорошо. Ты только что сказала, что готова мне помочь...

– Да.

– Тогда вот что: найди женщину, которая согласится иг-

рать эту роль и будет выполнять это каждый день. Но не предлагай всем, я хочу, чтобы ты доверила это самой красивой женщине деревни. Понимаешь? Самой красивой.

Элианта кивнула в знак согласия и удалилась.

Кракюс посмотрел ей вслед и пошел к своему лагерю.

Было жарко, одежда стесняла его, не говоря уж о черных кожаных ботинках. Но он привык не слишком обращать на это внимание. Это было необходимым неудобством.

Он приблизился к территории Годи. Именно территории, это самое подходящее слово: доктор постарался изолировать свое жилище от всех, обнеся его двухметровой изгородью из остатков бамбука, тростника и всего, что можно было найти, точно птица, которая строит гнездо. Получился совершенно закрытый участок площадью в сто квадратных метров. Хижина стояла в середине, словно соломенный дворец, окруженный стенами. И в отличие от других, это жилище было... без окон. Не стоит и говорить, что никто не мог встретиться с ним взглядом даже во время еды, которую он согласился принимать со всеми. Часто он забирал с собой остатки завтрака, что позволяло ему не выходить к обеду.

Кракюс подошел к двери и прислушался. Изнутри доносились обрывки фраз:

– ...Да, да, да! Конечно... Дыра... А, да... А... Господи... Господи, почему это остается холодным?... А... Это так...

Неужто человек, владеющий связной речью, оставшись наедине с собой, может вот так слетать с катушек?

Кракюс схватил деревяшку, подвешенную на веревке к изгороди, и ударил по старой консервной банке, прикрепленной к стене. Послышался странный шум: это загрохотали камни, лежащие в банке. Тотчас наступила тишина.

Кракюс терпеливо ждал. Долго. Затем повторил операцию.

– Кто там? – раздался наконец бесстрастный голос врача.

– Это я.

Тишина.

– Кто это «я»?

– Я, Роберто. Роберто Кракюс! Хочешь, чтобы я просунул документы под дверь?

Послышался шум. Должно быть, отодвигали предмет, прислоненный к двери. Дверь наконец приоткрылась, и в щель просунулась голова Годи в его квадратных очках с двойной фокусировкой. Стекла были грязные, и трудно было разглядеть его глаза.

– Мы можем поговорить?

Годи разглядывал его некоторое время, затем отступил.

Кракюс толкнул дверь. Доктор направился в тот угол участка, где были сложены канистры с бензином. Он поставил две канистры друг против друга, на приличном расстоянии, вместо табуреток. Они сели.

– Мне нужна твоя помощь.

Годи ничего не ответил, но Кракюс почувствовал, как он слегка напрягся.

– Нужно, чтобы ты придумал какую-нибудь штуку, чтобы загипнотизировать индейцев.

Молчание. Кракюс задавался вопросом, почему всегда чувствует себя каким-то глупым, когда разговаривает с Годи. Даже когда тот не раскрывает рта.

– Какую-нибудь штуку? – повторил тот несколько высокомерно.

– Да, что-то такое, что сможет поглотить их внимание и отвлечь от всего остального. Ну, ты понимаешь.

Годи поднял бровь. Одну. Кракюс никогда не встречал людей, способных на такое.

– Отвлечь?

Кракюс постарался говорить немного торжественнее:

– Нужно, чтобы это помогло сделать их бесчувственными.

Годи посмотрел на него с легким оттенком презрения:

– Души не существует...

– Это Сандро так сказал, – пробормотал Кракюс, – это его слова... Он говорит, нужно придумать что-нибудь, чтобы сделать их бессознательными и каждый день усыплять их сознание.

Годи поднес ко рту сигарету и вытащил из кармана коробок спичек.

– Ты что, совсем спятил! Мы сидим на минах!

Доктор искоса посмотрел в его сторону:

– И что? Нет никакого риска.

И открыл коробок.

Кракюс вскочил:

– Ты что, сумасшедший? Достаточно одной искры, чтобы все взлетело!

– Пока канистры хорошо закрыты, они не могут воспламениться.

Он вытащил спичку.

– Остановись!!! А если они плохо закрыты... Может, они вообще негерметичны!

– Если бы они не были герметичны, горючее бы испарилось. Канистры наполнены под горло.

Он чиркнул спичкой и спокойно зажег сигарету.

Кракюс отступил на несколько шагов:

– Ну ладно... я уйду... подумай, как там насчет индейцев... Держи меня в курсе.

Элианта сидела на берегу. Она любила приходить в это место, расположенное в стороне от деревни. Здесь спокойное течение плавно устремлялось к водопаду, где вода начинала мощно бурлить, перед тем как обрушиться с двадцатиметровой высоты.

У воды воздух казался более прохладным, и легкий ветерок приносил чудесные запахи леса. Она любила завораживающие ароматы хвойных – все их нежные и терпкие оттенки. Бывало, она подходила к одному из величественных де-

ревьев, обнимала его, чувствуя волны энергии, прокатывающиеся по животу и всему телу. Тогда она нежно прикасалась губами к шершавому стволу, закрывала глаза и отдавалась своим ощущениям – и опьянению этим божественным запахом.

Она вспомнила просьбу Кракюса. Поручить такую миссию ей – бесспорно, признак доверия. Ей хотелось исполнить ее как можно лучше.

Элианта протянула руку, схватила палку и бросила в начало водопада, проследив его траекторию.

«Найди самую красивую женщину», – сказал он.

Самую красивую женщину... Как же выбрать? Элианте никогда не приходило в голову сравнивать женщин племени между собой... Как это? Они все красивые. Как же тут быть?

Она постаралась мысленно представить себе каждую из них. Самая красивая женщина... Может, это Алиана, молодая женщина со светящимся взглядом, в глубине которого таится ангел? Или Нита, которая выказала беспрецедентное мужество при испытаниях? А может, Амадаи? Доброта ее сердца может сравниться только с его чистотой... Как же их сравнить? Кого выбрать?

Она схватила своими тонкими пальчиками лист, упавший с дерева, положила его на воду, потом тихонько подула. Лист отошел от берега, его понесло течением к водопаду, но он зацепился за ветку вапа и наполовину погрузился в воду.

Элианта поднялась и пошла в деревню. Потом неожидан-

но решила обойти малоку и дойти до лагеря белых: ей стало любопытно взглянуть поближе на их странные жилища. Почему же они построили три хижины, когда хватило бы и одной? Ведь их всего четверо...

Может быть, двое из них изгнаны из общины и вынуждены жить отдельно?

Она тихо подошла, ловко обходя кусты, лианы, лежащие ветки, и оказалась перед одной из хижин. Она показалась ей очень странной – с перегородками под прямым углом и непонятным квадратным отверстием посередине. А крыша...

И тут вдруг появился человек, увидел ее и остолбенел. Она не встречала его в деревне и до сих пор не подозревала о его существовании. У него были глаза... невероятной голубизны. Такого цвета она никогда не видела. А взгляд... Она ощутила душу, хрупкость которой неожиданно глубоко ее тронула. Человек сразу же отвернулся, но за этот краткий миг, не дольше, чем падает звезда, она разглядела в его глазах такую боль, что у нее защемило сердце.

Он скрылся в хижине, и дверь за ним закрылась.

– Сволочь!!! Я ей отплачу!!!

Краюс сжал зубы, чтобы скрыть ярость. Наказать Элианту было не в его силах. Вот ведь влип. Деревня должна собраться менее чем через полчаса. И кого же она нашла, чтобы рассказать новости, собранные детьми? Кого же она выбрала, чтобы он мог привлечь взгляды и приковать внимание слушателей? Кого? Старуху с морщинистой кожей!!!

– Не понимаю, почему ты сердишься... – сказала Элианта, подходя к нему.

– Не строй из себя дурочку!

– Я очень старалась выполнить твою просьбу.

– Перестань надо мной издеваться, поняла?

– Но это же правда...

– Замолчи, проваливай!

– У Шималис совершенная красота. Ее душа самая чистая, какая только может быть. Если сомневаешься, спроси у других. Все тебе скажут.

– Совершенная красота. Совершенная красота... Она выиграла конкурс среди тех, кому за семьдесят?

– Что?

– Она вся в морщинах!!! На ногах еле держится!

– Но голос у нее чистый, громкий, и ее будет хорошо слышно. Она тренировалась весь вечер.

– Ну и что! Я не допущу, чтобы эта лохматая старая картофелина говорила!

– Но... она выучила все тексты наизусть... И не поймет, почему ей не позволили выполнить эту миссию...

– Плевать! Я не хочу ее больше видеть. Да и тебя тоже!

Кракюс был в ярости. Он опять не смог ничего добиться от этих проклятых дикарей. Они преспокойно дурачат его, сохраняя ангельское выражение лица.

Так не может продолжаться. Нужно найти способ поднять свой авторитет, стать уважаемым лидером, за которым пойдут. Во что бы то ни стало нужно продемонстрировать харизму, занять позицию вожака...

Вдруг образы прошлого всплыли в его сознании. Армейские конфликты, Никарагуа, Сальвадор... Война научила его только одному: быть таким лидером, который берется защищать людей в минуту смертельной опасности...

Кракюс повторил про себя эту фразу. Надо будет над этим поразмыслить...

Пока что не было никого, кто бы мог публично выступить сегодня вечером... Он один знает все новости, собранные детьми. Ему и придется вкалывать. Может быть, он и не очень сексуален, но то, что он иноземец, придает ему все-таки особый статус, в конце концов, это веский довод. Он станет ведущим, и, возможно, это поможет осуществить его планы.

Закончив, он сразу же перейдет к сеансу гипноза. Устрой-

ство, которое изобрел Годи, готово.

Он терпеливо ждал. Индейцы пришли маленькими группами, когда солнце уже садилось. Огонь в центре площади вскоре стал единственным источником света. Костер потрескивал, распространяя запах горящего дерева. Наконец последние индейцы заняли свои места. Сели полукругом у костра. Все молчали. Лица, освещенные красными танцующими отблесками, были обращены к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.